

Часть первая
СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава 1

**СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК
В ТРАКТИРЕ «АДМИРАЛ БЕНБОУ»**

Сквайр¹ Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать всё, что я знаю об Острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время ещё невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли. И вот в нынешнем, 17... году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу²» и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина с тёмным лицом. Просмолённая косичка торчала над

¹ Сквайр — дворянский титул в Англии.

² Джон Бэнбоу — английский адмирал, живший в конце XVII века.

воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти чёрные, поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка¹.

И палка у него была как ганшпуг². Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вышел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принялся не спеша смаковать каждый глоток. Пил и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

— Бухта удобная, — сказал он наконец. — Неплохое место для таверны. Много народу, приятель?

Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного.

— Ну что же! — сказал моряк. — Этот... как раз для меня... Эй, приятель! — крикнул он

¹ Вымбóвка — рычаг шпиля (ворота), служащего для подъёма якоря.

² Гáншпуг, или áншпуг — рычаг для подъёма тяжестей.

человеку, который катил за ним тачку. — Подъезжай-ка сюда и помоги мне втащить сундук... Я поживу здесь немного, — продолжал он. — Человек я простой. Ром, свиная грудинка и яичница — вот и всё, что мне нужно. Да вон тот мыс, с которого видны корабли, проходящие по морю... Как меня называть? Ну что же, зовите меня капитаном... Эге, я вижу, чего вы хотите! Вот!

И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

— Когда эти кончатся, можете прийти и сказать, — проговорил он сурово и взглянул на отца, как начальник.

И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык, чтобы ему подчинялись.

Чувствовалось, что он любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказал нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоянных дворах, расположенных поблизости моря. Услышав о нашем трактире, должно быть, хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлёте, капитан решил поселиться у нас. Вот и всё, что удалось нам узнать о своём постояльце.

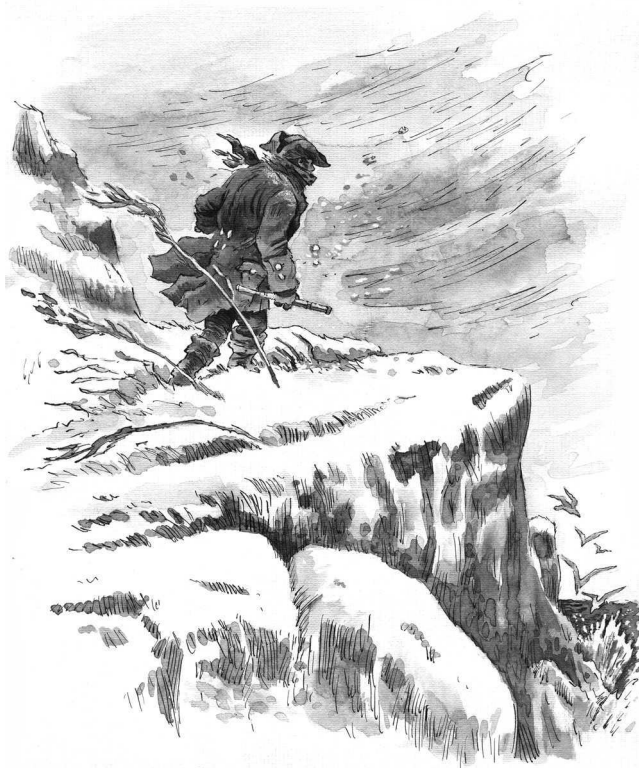
Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом и засвистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день,

вернувшись с прогулки, он справлялся, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки. Сначала мы думали, что ему не хватало компании таких же забулдыг, как он сам. Но под конец мы стали понимать, что он желает быть подальше от них. Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался в «Адмирале Бенбоу», капитан сначала разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо, как мышь.

Я-то знал, в чём тут дело, потому что капитан поделился со мной своей тревогой. Однажды он отвёл меня в сторону и пообещал платить мне первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если я буду «в оба глаза смотреть, не появится ли где моряк на одной ноге», и сообщу ему сразу же, как только увижу такого. Когда наступало первое число и я обращался к нему за обещанным жалованьем, он только трубил носом и свирепо глядел на меня. Но не прошло и недели, как, подумав, он приносил мне монетку и повторял приказание не пропустить «моряка на одной ноге».

Этот одноногий моряк преследовал меня даже во сне.

Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утёсах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро. Порою он казался мне каким-то страшным чудовищем,

у которого одна-единственная нога растёт из самой середины тела. Он гонялся за мной на этой одной ноге, перепрыгивая через плетни и канавы. Недёшево доставались мне мои четыре пенса каждый месяц: я расплачивался за них этими отвратительными снами.

Но как ни страшен был для меня одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. В иные вечера он выпивал столько рому с водой, что голова у него шла ходуном, и тогда он долго оставался в трактире и распевал свои старинные, дикие, жестокие

морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. А случилось и так, что он приглашал всех к своему столу и требовал стаканы. Приглашённые дрожали от испуга, а он заставлял их либо слушать его рассказы о морских приключениях, либо подпевать ему хором. Стены нашего дома содрогались тогда от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, боясь его неистового гнева, старались перекричать один другого и петь как можно громче, лишь бы капитан остался ими доволен, потому что в такие часы он был необузданно грозен: то стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все замолчали; то приходил в ярость, если кто-нибудь перебивал его речь, задавал ему какой-нибудь вопрос; то, наоборот, свирепел, если к нему обращались с вопросами, так как, по его мнению, это доказывало, что слушают его невнимательно. Он никогда не выпускал из трактира — компания могла разойтись лишь тогда, когда им овладевала дремота от выпитого вина и он, шатаясь, ковлял к своей постели.

Но страшнее всего были его рассказы. Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске¹, о штормах и о Драй Тортугас², о разбойничьих гнёздах и разбойничьих подвигах в Испанском море³.

¹ Хождéние по доскé — вид казни, при которой осуждённого заставляли идти по неприбитой доске, один конец которой выдавался в море.

² Драй Тортугас — острова около Флориды.

³ Испáнское мóре — старое название юго-восточной части Карибского моря.

Судя по его рассказам, он провёл всю свою жизнь среди самых отвязавленных злодеев, какие только бывали на море. А брань, которая вылетала из его рта после каждого слова, пугала наших простодушных деревенских людей не меньше, чем преступления, о которых он говорил.

Отец постоянно твердил, что нам придётся закрыть наш трактир: капитан отвадит от нас всех посетителей. Кому охота подвергаться таким издевательствам и дрожать от ужаса по дороге домой! Однако я думаю, что капитан, напротив, приносил нам скорее выгоду. Правда, посетители боялись его, но через день их снова тянуло к нему. В тихую, захолустную жизнь он внёс какую-то приятную тревогу. Среди молодёжи нашлись даже поклонники капитана, заявлявшие, что они восхищаются им. «Настоящий морской волк, насквозь просоленный морем!» — восклицали они.

По их словам, именно такие люди, как наш капитан, сделали Англию грозой морей.

Но, с другой стороны, этот человек действительно приносил нам убытки. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем; деньги, которые он дал нам при своём появлении, давно уже были истрачены, а новых денег он не платил, и у отца не хватало духу потребовать их. Стоило отцу заикнуться о плате, как капитан с яростью принимался сопеть; это было даже не сопенье, а рычанье; он так смотрел на отца, что тот в ужасе вылетал из комнаты. Я видел, как после подобных попыток он в отчаянье ломал себе руки.

Для меня нет сомнения, что эти страхи значительно ускорили горестную и преждевременную кончину отца.

За всё время своего пребывания у нас капитан ходил в одной и той же одежде, только приобрёл у разносчика несколько пар чулок. Один край его шляпы обвис; капитан так и оставил его, хотя при сильном ветре это было большим неудобством. Я хорошо помню, какой у него был драный кафтан; сколько он ни чинил его наверху, в своей комнате, в конце концов кафтан превратился в лохмотья.

Никаких писем он никогда не писал и не получал ниоткуда. И никогда ни с кем не разговаривал, разве только если был очень пьян. И никто из нас никогда не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один-единственный раз капитану посмели перечить, и то произошло это в самые последние дни, когда мой несчастный отец был при смерти.

Как-то вечером к больному пришёл доктор Ливси. Он осмотрел пациента, наскоро съел обед, которым угостила его моя мать, и спустился в общую комнату выкурить трубку, поджидая, когда приведут ему лошадь. Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бенбоу» не было конюшни.

В общую комнату ввёл его я и помню, как этот изящный, щёгольски одетый доктор в белоснежном парике, черноглазый, прекрасно воспитанный, поразил меня своим несходством с деревенскими увальнями, посещавшими наш

трактир. Особенно резко отличался он от нашего вороньего пугала, грязного, мрачного, грузного пирата, который надрызгался рому и сидел, навалившись локтями на стол.

Вдруг капитан заревел свою вечную песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведёт до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Первое время я думал, что «сундук мертвеца» — это тот самый сундук, который стоит наверху, в комнате капитана.

В моих страшных снах этот сундук нередко возникал передо мною вместе с одноногим моряком. Но мало-помалу мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на неё внимание. В этот вечер она была новостью только для доктора Ливси и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он сердито поглядел на капитана, перед тем как возобновить разговор со старым садовником Тейлором о новом способе лечения ревматизма. А между тем капитан, разгорячённый своим собственным пением, ударил кулаком по столу. Это означало, что он требует тишины.

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал свою добродушную и громкую речь, попыхивая трубочкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул ещё более пронзительно и вдруг

заорал, сопровождая свои слова непристойною бранью:

— Эй, там, на палубе, молчать!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор.

Тот сказал, что именно к нему, и притом выругался снова.

— В таком случае, сэр, я скажу вам одно, — ответил доктор. — Если вы не перестанете пьянствовать, вы скоро избавите мир от одного из самых гнусных мерзавцев!

Капитан пришёл в неистовую ярость. Он вскочил на ноги, вытащил и открыл свой матросский складной нож и стал грозить доктору, что пригвоздит его к стене.

Доктор даже не шевельнулся. Он продолжал говорить с ним не оборачиваясь, через плечо, тем же голосом — может быть, только немного громче, чтобы все могли слышать. Спокойно и твёрдо он произнёс:

— Если вы сейчас же не спрячете этот нож в карман, клянусь вам честью, что вы будете болтаться на виселице после первой же сессии нашего разъездного суда.

Между их глазами начался поединок. Но капитан скоро сдался. Он спрятал свой нож и опустился на стул, ворча, как побитый пёс.

— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — так как мне стало известно, что в моём округе находится подобная особа, я буду иметь над вами самый строгий надзор днём и ночью. Я не только доктор, я и судья. И если до меня дойдёт хоть одна самая малейшая жалоба — хотя бы

только на то, что вы нагрубили кому-нибудь... вот как сейчас, — я приму решительные меры, чтобы вас забрали и выгнали отсюда. Больше я ничего не скажу.

Вскоре доктору Ливси подали лошадь, и он ускакал. Но капитан весь вечер был тих и смирен и оставался таким ещё много вечеров подряд.

Глава 2

ЧЁРНЫЙ ПЁС ПРИХОДИТ И УХОДИТ

Вскоре случилось первое из тех загадочных событий, благодаря которым мы избавились наконец от капитана. Но, избавившись от него самого, мы не избавились, как вы сами увидите, от его хлопотных дел.

Стояла холодная зима с долгими трескучими морозами и бурными ветрами. И с самого начала стало ясно, что мой бедный отец едва ли увидит весну. С каждым днём ему становилось хуже. Хозяйничать в трактире пришлось мне и моей матери. У нас было дел по горло, и мы уделяли очень мало внимания нашему неприятному постояльцу.

Было раннее январское морозное утро. Бухта поседела от инея. Мелкая рябь ласково лизала прибрежные камни. Солнце ещё не успело подняться и только тронуло своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан проснулся раньше обыкновенного и направился к морю. Под широкими полами его истрёпанного синего кафтана колыхался кортик. Под мышкой у него

была подозрная труба. Шляпу он сдвинул на затылок. Я помню, что изо рта у него вылетал пар и клубился в воздухе, как дым. Я слышал, как злобно он фыркнул, скрываясь за большим утёсом, — вероятно, всё ещё не мог позабыть о своём столкновении с доктором Ливси.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к приходу капитана. Вдруг дверь отворилась и в комнату вошёл человек, которого прежде я никогда не видел.

Он был бледен, с землистым лицом. На левой руке у него не хватало двух пальцев. Ничего воинственного не было в нём, хотя у него на поясе висел кортик. Я всегда следил в оба за каждым моряком, будь он на одной ноге или на двух, и помню, что этот человек очень меня озадачил. На моряка он был мало похож, и всё же я почувствовал, что он моряк.

Я спросил, что ему угодно, и он потребовал рому. Я кинулся было из комнаты, чтобы исполнить его приказание, но он сел за стол и снова подозвал меня к себе. Я остановился с салфеткой в руке.

— Пойди-ка сюда, сынок, — сказал он. — Подойди поближе.

Я подошёл.

— Этот стол накрыт для моего товарища, штурмана Билли? — спросил он, ухмыляясь.

Я ответил, что не знаю никакого штурмана Билли и что стол накрыт для одного нашего постояльца, которого мы зовём капитаном.

— Ну что ж, — сказал он, — моего товарища, штурмана Билли, тоже можно называть

капитаном. Это дела не меняет. У него шрам на щеке и очень приятное обхождение, особенно когда напьётся. Вот он каков, мой штурман Билли! У вашего капитана тоже шрам на щеке. И как раз на правой. Значит, всё в порядке, не правда ли? Итак, я хотел бы знать: обретается ли он здесь, в этом доме, мой товарищ Билли?

Я ответил, что капитан пошёл погулять.

— А куда, сынок? Куда он пошёл?

Я показал ему скалу, на которой ежедневно бывал капитан, и сказал, что он, верно, скоро вернётся.

— А когда?

И, задав мне ещё несколько разных вопросов, он проговорил под конец:

— Да, мой товарищ Билли обрадуется мне, как выпивке.

Однако лицо у него при этих словах было мрачное, и я имел все основания думать, что капитан будет не слишком-то рад встрече с ним. Но я тут же сказал себе, что это меня не касается. И, кроме того, трудно было предпринять что-нибудь при таких обстоятельствах. Незнакомец стоял у самой входной двери трактира и следил за углом дома, словно кот, подстерегающий мышь. Я хотел было выйти во двор, но он тотчас же окликнул меня. Я не сразу ему повиновался, и его бледное лицо вдруг исказилось таким гневом, и он разразился такими ругательствами, что я в страхе отскочил назад. Но едва я вернулся, он стал разговаривать со мною по-прежнему, не то льстиво, не то насмешливо,

потрепал меня по плечу, сказал мне, что я славный мальчишка и что он сразу меня полюбил.

— У меня есть сынок, — сказал он, — и ты похож на него как две капли воды. Он — гордость моего родительского сердца. Но для мальчиков главное — послушание. Да, сынок, послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли, тебя не пришлось бы окликать два раза. Билли никогда не повторял приказаний, да и другие, что с ним плавали... А вот и он, мой штурман Билли, с подозрительной трубкой под мышкой, благослови его бог! Давай-ка пойдём опять в зал, спрячемся за дверь, сынок, и устроим Билли сюрприз, обрадуем Билли, благослови его бог!

С этими словами он загнал меня в общую комнату, в угол, и спрятал у себя за спиной. Мы оба были заслонены открытой дверью. Мне было и неприятно, и чуть-чуть страшно-вато, как вы можете себе представить, особенно когда я заметил, что незнакомец и сам трусит. Он высвободил рукоятку своего кортика, чуть-чуть вытащил его из ножен и всё время делал такие движения, как будто глотает какой-то кусок, застрявший у него в горле.

Наконец в комнату ввалился капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо к столу, где его поджидал завтрак.

— Билли! — проговорил незнакомец, стараясь придать своему голосу твёрдость и смелость.

Капитан повернулся на каблуках и оказался прямо перед нами. Загар как бы сошёл с его лица, даже нос его сделался синим. У него был вид человека, который повстречался с привидением,

или с дьяволом, или с чем-нибудь похуже, если такое бывает. И, признаюсь вам, мне стало жалко его — таким он сразу сделался старым и дряблым.

— Разве ты не узнаёшь меня, Билли? Неужели ты не узнаёшь своего старого корабельного товарища, Билли? — сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

— Чёрный Пёс! — проговорил он наконец.

— Он самый, — ответил незнакомец, несколько приободрившись. — Чёрный Пёс пришёл проведать своего старого корабельного друга, своего Билли, живущего в трактире «Адмирал Бенбоу». Ах, Билли, Билли! Сколько воды утекло с тех пор, как я лишился двух своих когтей! — воскликнул он, подняв искалеченную руку.

— Ладно, — сказал капитан. — Ты выследил меня, и я перед тобой. Говори же, зачем пришёл?

— Узнаю тебя, Билли, — ответил Чёрный Пёс. — Ты прав, Билли. Этот славный мальчуган, которого я так полюбил, принесёт мне стаканчик рому. Мы посидим с тобой, если хочешь, и поговорим без обиняков, напрямик, как старые товарищи. Не правда ли?

Когда я вернулся с бутылкой, они уже сидели за столом капитана друг против друга.

Чёрный Пёс сидел боком поближе к двери и одним глазом смотрел на своего старого друга, а другим — на дверь, путь к отступлению.

Он велел мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы ты, сыночек, не подсматривал в замочную скважину, — пояснил он.

Я оставил их вдвоём и вернулся к стойке.

Долгое время, несмотря на все старания, я не слышал ничего, кроме невнятного говора. Но мало-помалу голоса становились всё громче, и наконец мне удалось уловить несколько слов, главным образом ругань, исходившую из уст капитана.

Раз капитан закричал:

— Нет, нет, нет, нет! И довольно об этом! Слышишь?

И потом снова:

— Если дело дойдёт до виселицы, так пусть на ней болтаются все!

Потом внезапно раздался страшный взрыв ругательств, стол и скамьи с грохотом опрокинулись на пол, звякнула сталь клинков, кто-то вскрикнул от боли, и через минуту я увидел Чёрного Пса, со всех ног бегущего к двери. Капитан гнался за ним. Их кортики были обнажены. У Чёрного Пса из левого плеча текла кровь. Возле самой двери капитан замахнулся кортиком и хотел нанести убегающему ещё один, самый страшный удар и, несомненно, разрубил бы ему голову пополам, но кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске, внизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него.

На этом битва кончилась.

Выскочив на дорогу, Чёрный Пёс, несмотря на свою рану, помчался с такой удивительной скоростью, что через полминуты исчез за холмом. Капитан стоял и смотрел на вывеску

как помешанный. Затем несколько раз провёл рукой по глазам и вернулся в дом.

— Джим, — приказал он, — рому!

Он слегка пошатнулся при этих словах и опёрся рукой о стену.

— Вы ранены? — воскликнул я.

— Рому! — повторил он. — Мне нужно убираться отсюда. Рому! Рому!

Я побежал за ромом, но от волнения разбил стакан и запачкал грязью кран бочки. И пока я приводил всё в порядок и наливал другой стакан, вдруг я услышал, как в зале что-то грузно грохнулось на пол. Я вбежал и увидел капитана, который во всю свою длину растянулся на полу. Мать, встревоженная криками и дракой, сбегала вниз мне на помощь. Мы приподняли голову капитана. Он дышал очень громко и тяжело. Глаза его были закрыты, лицо побагровело.

— Боже мой! — воскликнула мать. — Какой срам для нашего трактира! А твой бедный отец, как нарочно, лежит больной!

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он ранен насмерть во время поединка с незнакомцем. Я принёс рому и попытался влить ему в рот. Но сильные челюсти его были сжаты, как железные.

К счастью, дверь отворилась и вошёл доктор Ливси, приехавший навестить моего больного отца.

— Доктор, помогите! — воскликнули мы. — Что нам делать? Куда он ранен?

— Ранен? — сказал доктор. — Чепуха! Он так же ранен, как ты или я. У него просто

удар. Что делать! Я предупреждал его... Ну, миссис Хокинс, возвращайтесь наверх к мужу и, если можно, ничего не говорите ему. А я попытаюсь спасти эту трижды ненужную жизнь... Джим, принеси мне таз.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже засучил у капитана рукав и обнажил его большую, мускулистую руку. Рука была татуирована во многих местах. На предплечье синели чёткие надписи: «На счастье», «Попутного ветра» и «Да сбудутся мечты Билли Бонса». Возле самого плеча была нарисована виселица, на которой болтался человек. Рисунок этот, как мне показалось, был выполнен с истинным знанием дела.

— Пророческая картинка, — заметил доктор, трогая пальцем изображение виселицы. — А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета ваша кровь... Джим, — обратился он ко мне, — ты не боишься крови?

— Нет, сэр, — сказал я.

— Отлично, — проговорил доктор. — Тогда держи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену.

Много вытекло у капитана крови, прежде чем он открыл глаза и обвёл нас мутным взглядом. Он узнал доктора и нахмурил брови. Потом заметил меня и как будто несколько успокоился. Потом вдруг покраснел и, пробуя встать, закричал:

— Где Чёрный Пёс?

— Здесь нет никакого пса, кроме того, что сидит у вас за спиной, — сказал доктор. —

Вы пили слишком много рому. И вот вас хватил удар, как я вам предсказывал. И я, против желания, вытащил вас из могилы. Ну, мистер Бонс...

— Я не Бонс, — перебил капитан.

— Неважно, — сказал доктор. — У меня есть знакомый пират, которого зовут Бонсом, и я дал вам это имя для краткости. Запомните, что я вам скажу: один стакан рому вас, конечно, не убьёт, но если вы выпьете один стакан, вам захочется выпить ещё и ещё. И клянусь вам моим париком: если вы не бросите пить, вы в самом скором времени умрёте. Понятно? Пойдите туда, куда подобает, как сказано в Библии... Ну, попытайтесь встать. Я помогу вам добраться до постели.

С большим трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Он в изнеможении упал на подушку. Он был почти без чувств.

— Так помните, — сказал доктор, — я говорю вам по чистой совести: слово «ром» и слово «смерть» для вас означают одно и то же.

Взяв меня за руку, он отправился к моему больному отцу.

— Пустяки, — сказал он, едва мы закрыли за собой дверь. — Я выпустил из него столько крови, что он надолго успокоится. Неделю проваляется в постели, а это полезно и для него, и для вас. Но второго удара ему не пережить.

ЧЁРНАЯ МЕТКА

Около полудня я вошёл к капитану с прохладительным питьём и лекарством. Он лежал в том же положении, как мы его оставили, только немного повыше. Он показался мне очень слабым и в то же время очень возбуждённым.

— Джим, — сказал он, — ты один здесь чего-нибудь стоишь. И ты знаешь: я всегда был добр к тебе. Каждый месяц я давал тебе четыре пенса серебром. Видишь, друг, мне скверно, я болен и всеми покинут! И, Джим, ты прине­сёшь мне кружечку рома, не правда ли?

— Доктор... — начал я.

Но он принялся ругать доктора — слабым го­лосом, но очень сердито.

— Все доктора — сухопутные крысы, — ска­зал он. — А этот ваш здешний доктор — ну что он понимает в моряках? Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от Жёлтого Джека¹, а землетрясения качали сушу, как морскую волну. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! Ром был для меня и мясом, и водой, и женой, и другом. И если я сейчас не выпью рому, я буду как бедный старый корабль, выкинутый на бе­рег штормом. И моя кровь будет на тебе, Джим, и на этой крысе, на докторе...

¹ Жёлтый Джек — лихорадка.

И он снова разразился ругательствами.

— Посмотри, Джим, как дрожат мои пальцы, — продолжал он жалобным голосом. — Я не могу остановить их, чтобы они не дрожали. У меня сегодня не было ни капли во рту. Этот доктор — дурак, уверяю тебя. Если я не выпью рому, Джим, мне будут мерещиться ужасы. Кое-что я уже видел, ей-богу! Я видел старого Флинта, вон там, в углу, у себя за спиной. Видел его ясно, как живого. А когда мне мерещатся ужасы, я становлюсь как зверь — я ведь привык к грубой жизни. Ваш доктор сам сказал, что один стаканчик меня не убьёт. Я дам тебе золотую гинею¹ за одну кружечку, Джим!

Он клянчил всё настойчивее и был так возбуждён, что я испугался, как бы его не услышал отец. Отцу в тот день было особенно плохо, и он нуждался в полном покое. К тому же меня поддерживали слова доктора, что один стакан не повредит капитану.

— Не нужно мне ваших денег, — ответил я, потому что предложение взятки очень оскорбило меня. — Заплатите лучше то, что вы должны моему отцу. Я принесу вам стакан, но это будет последний.

Я принёс стакан рому. Он жадно схватил его и выпил до дна.

— Вот и хорошо! — сказал он. — Мне сразу же стало лучше. Послушай, друг, доктор не говорил, сколько мне лежать на этой койке?

¹ Гинея — английская золотая монета.

— По крайней мере неделю, — сказал я. — Не меньше!

— Гром и молния! — вскричал капитан. — Неделю! Если я буду лежать неделю, они успеют прислать мне чёрную метку. Эти люди уже пронюхали, где я, — моты и лодыри, которые не могли сберечь своё и зарятся теперь на чужое. Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я человек бережливый, никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. Я опять их надую. Я отчалю от этого рифа и опять оставлю их всех в дураках.

С этими словами он стал медленно приподниматься, схватив меня за плечо с такой силой, что я чуть не закричал от боли. Тяжело, как колоды, опустились его ноги на пол. И его пылкая речь совершенно не соответствовала еле слышному голосу.

После того как он сел на кровати, он долго не мог выговорить ни слова, но наконец произнёс:

— Доконал меня этот доктор... В ушах у меня так и поёт. Помоги мне лечь...

Но прежде чем я протянул к нему руку, он снова упал в постель и некоторое время лежал молча.

— Джим, — сказал он наконец, — ты видел сегодня того моряка?

— Чёрного Пса? — спросил я.

— Да, Чёрного Пса, — сказал он. — Он очень нехороший человек, но те, которые послали его, ещё хуже, чем он. Слушай: если мне не удастся отсюда убраться и они пришлют мне чёрную метку, знай, что они охотятся за моим сундуком.

Тогда садись на коня... — ведь ты едешь верхом, не правда ли? — тогда садись на коня и скачи во весь дух... Теперь уж мне всё равно... Скачи хоть к этому проклятому доктору, к крысе, и скажи ему, чтобы он свистнул всех матросов на палубу — всяких там присяжных и судей — и накрыл моих гостей на борту «Адмирала Бенбоу», всю шайку старого Флинта, всех до одного, сколько их ещё осталось в живых. Я был первым штурманом... да, первым штурманом старого Флинта, и я один знаю, где находится то место. Он сам всё мне передал в Саванне, когда лежал при смерти, вот как я теперь лежу. Видишь? Но ты ничего не делай, пока они не пришлют мне чёрную метку или пока ты снова не увидишь Чёрного Пса или моряка на одной ноге. Этого одноногого, Джим, остерегайся больше всего.

— А что это за чёрная метка, капитан? — спросил я.

— Это вроде как повестка, приятель. Когда они пришлют, я тебе скажу. Ты только не проворонь их, милый Джим, и я разделю с тобой всё пополам, даю тебе честное слово...

Он начал заговариваться, и голос его становился всё слабее. Я дал ему лекарства, и он принял его, как ребёнок.

— Ещё ни один моряк не нуждался в лекарстве так, как я.

Вскоре он впал в тяжёлое забытёе, и я оставил его одного.

Не знаю, как бы я поступил, если бы всё шло благополучно. Вероятно, я рассказал бы обо всём доктору, ибо я смертельно боялся, чтобы

капитан не пожалел о своей откровенности и не прикончил меня. Но обстоятельства сложились иначе. Вечером внезапно скончался мой бедный отец, и мы позабыли обо всём остальном. Я был так поглощён нашим горем, посещениями соседей, устройством похорон и работой в трактире, что у меня не было времени ни думать о капитане, ни бояться его.

На следующее утро он сошёл вниз как ни в чём не бывало. Ел в обычные часы, но без всякого аппетита, и, боюсь, выпил больше, чем обыкновенно, потому что сам угощался у стойки. При этом он фыркал и сопел так сердито, что никто не дерзнул запретить ему выпить лишнее. Вечером накануне похорон он был пьян, как обычно. Отвратительно было слышать его разнузданную, дикую песню в нашем печальном доме. И хотя он был очень слаб, мы до смерти боялись его. Единственный человек, который мог бы заткнуть ему глотку — доктор, — был далеко: его вызвали за несколько миль к одному больному, и после смерти отца он ни разу не показывался возле нашего дома.

Я сказал, что капитан был слаб. И действительно, он не только не поправлялся, но как будто становился всё слабее. Через силу всходил он на лестницу; шатаясь, ковылял из зала к нашей стойке. Иногда он высовывал нос за дверь — подышать морем, но хватался при этом за стену. Дышал он тяжело и быстро, как человек, взбирающийся на крутую гору.

Он больше не заговаривал со мной и, по-видимому, позабыл о своей недавней откровенности,

но стал ещё вспыльчивее, ещё раздражительнее, несмотря на всю свою слабость. Напиваясь, он вытаскивал кортик и клал его перед собой на стол и при этом почти не замечал людей, погружённый в свои мысли и бредовые видения.

Раз как-то, к нашему величайшему удивлению, он даже стал насвистывать какую-то деревенскую любовную песенку, которую, вероятно, пел в юности, перед тем как отправиться в море.

В таком положении были дела, когда на другой день после похорон — день был пасмурный, туманный и морозный, — часа в три пополудни, я вышел за дверь и остановился на пороге. Я с тоской думал об отце...

Вдруг я заметил человека, который медленно брёл по дороге. Очевидно, он был слепой, потому что дорогу перед собою нащупывал

палкой. Над его глазами и носом висел зелёный щиток. Сгорбленный старостью или болезнью, он весь был закутан в ветхий, изодранный матросский плащ с капюшоном, который делал его ещё уродливее. Никогда в своей жизни не видал я такого страшного человека. Он остановился недалеко от трактира и громко произнёс нараспев странным гнусавым голосом, обращаясь в пустое пространство:

— Не скажет ли какой-нибудь благодетель бедному слепому человеку, потерявшему драгоценное зрение во время храброй защиты своей родины, Англии, да благословит бог короля Георга, в какой местности он находится в настоящее время?

— Вы находитесь возле трактира «Адмирал Бенбоу», в бухте Чёрного Холма, добрый человек, — сказал я.

— Я слышу голос, — прогнусавил старик, — и молодой голос. Дайте мне руку, добрый молодой человек, и проводите меня в этот дом!

Я протянул ему руку, и это ужасное безглазое существо с таким слащавым голосом схватило её, точно клещами.

Я так испугался, что хотел убежать. Но слепой притянул меня к себе.

— А теперь, мальчик, — сказал он, — веди меня к капитану.

— Сэр, — проговорил я, — я, честное слово, не смею...

— Не смеешь? — усмехнулся он. — Ах вот как! Не смеешь! Веди меня сейчас же, или я сломаю тебе руку!

И он так повернул мою руку, что я вскрикнул.

— Сэр, — сказал я, — я боялся не за себя, а за вас. Капитан теперь не такой, как всегда. Он сидит с обнажённым кортиком. Один джентльмен уже приходил к нему и...

— Живо, марш! — перебил он меня.

Никогда я ещё не слышал такого свирепого, холодного и мерзкого голоса. Этот голос напугал меня сильнее, чем боль. Я понял, что должен подчиниться, и провёл его в зал, где сидел наш больной пират, одурманенный ромом.

Слепой вцепился в меня железными пальцами. Он давил меня всей своей тяжестью, и я едва держался на ногах.

— Веди меня прямо к нему и, когда он меня увидит, крикни: «Вот ваш друг, Билли». Если ты не крикнешь, я вот что сделаю!

И он так вывернул мою руку, что я едва не потерял сознание. Я так боялся слепого нищего, что забыл мой ужас перед капитаном и, открыв дверь зала, дрожащим голосом прокричал те слова, которые слепой велел мне прокричать.

Бедный капитан вскинул глаза вверх и разом протрезвился. Лицо его выражало не испуг, а скорее смертельную муку. Он попытался было встать, но у него, видимо, не хватило сил.

— Ничего, Билли, сиди, где сидишь, — сказал нищий. — Я не могу тебя видеть, но я слышу, как дрожат твои пальцы. Дело есть дело. Протяни свою правую руку... Мальчик, возьми его руку и поднеси к моей правой руке.

Мы оба повиновались ему. И я видел, как он переложил что-то из своей руки, в которой держал палку, в ладонь капитана, сразу же сжавшуюся в кулак.

— Дело сделано, — сказал слепой.

При этих словах он отпустил меня и с проворством, неожиданным в калеке, выскочил из общей комнаты на дорогу. Я всё ещё стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющемуся стуку его палки.

Прошло довольно много времени, прежде чем мы с капитаном пришли в себя. Я выпустил его запястье, а он потянул к себе руку и взглянул на ладонь.

— В десять часов! — воскликнул он. — Осталось шесть часов. Мы ещё им покажем!

И вскочил на ноги, но сейчас же покачнулся и схватился за горло. Так стоял он, пошатываясь, несколько мгновений, потом с каким-то странным звуком всей тяжестью грохнулся на пол.

Я сразу кинулся к нему и позвал мать. Но было поздно. Капитан скоропостижно скончался от апоплексического удара. И странно: мне, право, никогда не нравился этот человек, хотя в последнее время я начал жалеть его, но, увидев его мёртвым, я заплакал. Я плакал долго, я истекал слезами. Это была вторая смерть, которая произошла у меня на глазах, и горе, нанесённое мне первой, было ещё слишком свежо в моём сердце.

Глава 4

МАТРОССКИЙ СУНДУК

Я конечно, сразу же рассказал матери всё, что знал. Может быть, мне следовало рассказать ей об этом раньше. Мы очутились в трудном, опасном положении.

Часть денег, оставшихся после капитана, — если только у него были деньги, — безусловно, должна была принадлежать нам. Но вряд ли его товарищи, вроде Чёрного Пса и слепого нищего, согласились бы отказаться от своей добычи для уплаты долгов покойного. Приказ капитана сесть верхом на коня и скакать за доктором Ливси я выполнить не мог: нельзя было оставить мать одну, без всякой защиты. Об этом нечего было и думать. Но мы не смели долее и оставаться дома:

мы вздрагивали даже тогда, когда уголья у нас в очаге падали на железную решётку; мы боялись даже тиканья часов. Всюду нам слышались чьи-то шаги, будто кто-то приближается к нам.

При мысли о том, что на полу лежит мёртвое тело и что где-то поблизости бродит омерзительный слепой нищий, который может вот-вот вернуться, волосы мои вставали дыбом. Медлить было нельзя ни минуты. Надо было что-то предпринять. И мы решили отправиться вместе в ближнюю деревушку за помощью. Сказано — сделано. С непокрытыми головами бросились мы бежать сквозь морозный туман. Уже начинало темнеть.

Деревушка от нас не была видна, но находилась она недалеко, в нескольких сотнях ярдов от нас, на противоположном берегу соседней бухты. Меня очень ободряло сознание, что слепой нищий появился с другой стороны и ушёл, надо полагать, туда же. Шли мы недолго, хотя иногда останавливались, прислушиваясь. Но кругом слышались привычные звуки: гудел прибор и каркали в лесу вороны.

В деревушке уже зажгли свечи, и я никогда не забуду, как их желтоватое сияние в дверях и окнах успокоило нас. Но в этом и заключалась вся помощь, которую мы получили. Ни один из жителей деревни, к их стыду, не согласился пойти с нами в «Адмирал Бенбоу».

Чем больше говорили мы о наших тревогах, тем сильнее все лънули к своим углам. Имя капитана Флинта, мне до той поры незнакомое, было хорошо известно многим из них и приводило их

в ужас. Некоторые вспомнили, что однажды, работая в поле неподалёку от «Адмирала Бенбоу», видели на дороге каких-то подозрительных людей. Незнакомцы показались им контрабандистами, и они поспешили домой, чтобы покрепче закрыть свои двери. Кто-то даже видел небольшой люггер¹ в бухте, называемой Логовом Китта. Поэтому одно упоминание о приятелях капитана приводило их в трепет. Находились смельчаки, которые соглашались съездить за доктором Ливси, жившим в другой стороне, но никто не хотел принять участие в охране трактира.

Говорят, что трусость заразительна. Но разумные доводы, напротив, способны внушить человеку храбрость. Когда все отказались идти вместе с нами, мать заявила, что отнюдь не собирается терять деньги, которые принадлежат её осиротевшему сыну.

— Вы можете робеть сколько угодно, — сказала она, — мы с Джимом не трусливого десятка. Мы вернёмся той же дорогой, какой пришли. Мало чести вам, дюжим и широкоплечим мужчинам с такими цыплячьими душами! Мы откроем сундук, хотя бы пришлось из-за него умереть... Я буду очень благодарна, миссис Кроссли, если вы разрешите мне взять вашу сумку, чтобы положить в неё деньги, принадлежащие нам по закону.

Я, конечно, заявил, что пойду с матерью, и, конечно, все заорали, что это безумие. Однако никто, даже из мужчин, не вызвался нас

¹ Люггер — небольшое парусное судно.

проводить. Помощь их ограничивалась тем, что они дали мне заряженный пистолет на случай нападения и обещали держать наготове осёдланных лошадей, чтобы мы могли удрать, если разбойники будут гнаться за нами. А один молодой человек поскакал к доктору за вооружённым подкреплением.

Бешено колотилось моё сердце, когда мы отправились в наш опасный путь. Вечер был холодный. Выходила полная луна. Она уже поднялась над горизонтом и краснела в тумане, с каждой минутой сияя всё ярче. Мы поняли, что скоро станет светло как днём и нас на обратном пути нетрудно будет заметить. Поэтому мы заторопились ещё больше. Мы крались вдоль заборов, бесшумно и быстро, и, не встретив на дороге ничего страшного, добрались наконец до «Адмирала Бенбоу».

Войдя в дом, я сразу же закрыл дверь на замок. Тяжело дыша, мы стояли в темноте, одни в пустом доме, где лежало мёртвое тело. Затем мать принесла из бара свечу, и, держась за руки, мы вошли в общую комнату. Капитан лежал в том же положении, как мы его оставили, — на спине, с открытыми глазами, откинув одну руку.

— Опустит шторы, Джим, — прошептала мать. — Они могут следить за нами через окно... А теперь, — сказала она, когда я опустил шторы, — надо отыскать ключ от сундука... Но хотела бы я знать, кто решится дотронуться до него...

И она даже чуть-чуть всхлипнула при этих словах. Я опустился на колени. На полу возле руки капитана лежал крохотный бумажный

кружок, вымазанный с одной стороны чем-то чёрным. Я не сомневался, что это и есть чёрная метка. Я схватил её и заметил, что на другой её стороне написано красивым, чётким почерком: «Даём тебе срок до десяти вечера».

— У него был срок до десяти, мама, — сказал я.

И в то же мгновение наши старые часы начали бить. Этот внезапный звук заставил нас сильно вздрогнуть. Но он и обрадовал нас, так как было только шесть часов.

— Ну, Джим, — сказала мать, — ищи ключ.

Я обшарил карманы капитана один за другим. Несколько мелких монет, напёрсток, нитки и толстая игла, кусок свёрнутого табаку, надкусанный с краю, нож с кривой ручкой, карманный компас, огниво — вот и всё, что я там нашёл. Я уже начал отчаиваться...

— Может быть, на шее? — сказала мать.

Преодолев отвращение, я разорвал ворот его рубашки. И действительно, на просмоленной верёвке, которую я сейчас же перерезал собственным ножом капитана, висел ключ.

Эта удача наполнила наши сердца надеждой, и мы поспешили наверх, в ту тесную комнату, где так долго жил капитан и где со дня его приезда стоял его сундук.

Снаружи это был самый обыкновенный матросский сундук. На крышке видна была буква «Б», выжженная калёным железом. Углы были потёрты и сбиты, точно этот сундук отслужил долгую и трудную службу.

— Дай мне ключ, — сказала мать.

Замок поддавался туго, однако ей удалось открыть его, и она в одно мгновение откинула крышку. На нас пахло крепким запахом табака и дёгтя.

Прежде всего мы увидели новый, старательно вычищенный и выутюженный костюм, очень хороший и, по словам матери, ни разу ещё не надёванный. Подняв костюм, мы нашли кучу самых разнообразных предметов: квадрант¹,

¹ Квадрант — прибор для измерения высоты небесных тел.

жестяную кружку, несколько кусков табаку, две пары изящных пистолетов, слиток серебра, старинные испанские часы, несколько безделушек, не слишком ценных, но преимущественно заграничного производства, два компаса в медной оправе и пять или шесть причудливых раковин из Вест-Индии. Впоследствии я часто думал, зачем капитан, живший такой непоседливой, опасной, преступной жизнью, таскал с собой эти раковины.

Но ничего ценного, кроме слитка серебра и безделушек, мы не нашли, а это нам было не нужно. На самом дне лежал старый шлюпочный плащ, побелевший от солёной воды у многих прибрежных отмелей. Мать нетерпеливо откинула его, и мы увидели последние вещи, лежавшие в сундуке: завёрнутый в клеёнку пакет, вроде пачки бумаг, и холщовый мешок, в котором, судя по звону, было золото.

— Я покажу этим разбойникам, что я честная женщина, — сказала мать. — Я возьму только то, что он мне был должен, и ни фартинга¹ больше. Держи сумку миссис Кроссли!

И она начала отсчитывать деньги, перекладывая их из мешка в сумку, которую я держал. Это было трудное дело, отнявшее много времени. Тут были собраны и перемешаны монеты самых разнообразных чеканок и стран: и дублоны, и луидоры, и гинеи, и пиастры, и ещё какие-то, неизвестные мне. Гиней было меньше всего, а мать моя умела считать только гинеи.

¹ Ф á р т и н г — мелкая английская монета.

Когда она отсчитала уже половину того, что был должен нам капитан, я вдруг схватил её за руку. В тихом морозном воздухе пронёсся звук, от которого кровь застыла у меня в жилах: постукиванье палки слепого по мёрзлой дороге. Стук приближался, и мы прислушивались к нему затаив дыхание. Затем раздался громкий удар в дверь трактира, после этого ручка двери задвигалась и лязгнул засов — нищий пытался войти. Наступила тишина внутри и снаружи. И наконец опять послышалось постукиванье палки. К нашей неопишуемой радости, оно теперь удалялось и скоро замерло.

— Мама, — сказал я, — бери всё, и бежим скорей.

Я был убеждён, что запертая на засов дверь показалась слепому подозрительной, и побоялся, что он приведёт сюда весь свой осиный рой.

И всё же как хорошо, что я догадался запереть дверь на засов! Это мог бы понять только тот, кто знал этого страшного слепого.

Но мать, несмотря на весь свой страх, не соглашалась взять ни одной монетой больше того, что ей следовало, и в то же время упрямо не желала взять меньше. Она говорила, что ещё нет семи часов, что у нас уйма времени. Она знает свои права и никому не уступит их. Упорно спорила она со мной до тех пор, пока мы вдруг не услышали протяжный тихий свист, раздавшийся где-то вдалеке, на холме.

Мы сразу перестали препираться.

— Я возьму то, что успела отсчитать, — сказала она, вскакивая на ноги.

— А я прихватчу и это для ровного счёта, — сказал я, беря пачку завёрнутых в клеёнку бумаг.

Через минуту мы уже ощупью спускались вниз. Свеча осталась у пустого сундука. Я отворил дверь, и мы вышли на дорогу. Нельзя было терять ни минуты. Туман быстро рассеивался. Луна ослепительно озаряла холмы. Только в глубине лощины и у дверей трактира клубилась зыбкая завеса туманной мглы, как бы для того, чтобы скрыть наши первые шаги. Но уже на половине дороги, чуть повыше, у подножия

холма, мы должны были неизбежно попасть в полосу лунного света. И это было не всё — вдалеке мы услышали чьи-то быстрые шаги.

Мы обернулись и увидели прыгающий и приближающийся огонёк: кто-то нёс фонарь.

— Милый, — вдруг сказала мать, — бери деньги и беги. Я чувствую, что сейчас упаду в обморок...

«Мы погибли оба», — решил я. Как проклинал я трусость наших соседей! Как сердился я на свою бедную мать и за её честность, и за её жадность, за её прошлую смелость и за её теперешнюю слабость!

К счастью, мы проходили возле какого-то мостика. Я помог ей — она шаталась — сойти вниз, к берегу. Она вздохнула и склонилась ко мне на плечо. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я потащил её вдоль берега и втащил под мост. Боюсь только, что это было сделано довольно грубо. Мостик был низенький, и двигаться под ним можно было только на четвереньках. Я пополз дальше, под арку, а мать осталась почти вся на виду. Это было в нескольких шагах от трактира.

Глава 5

КОНЕЦ СЛЕПОГО

Оказалось, что любопытство моё было сильнее страха. Я не мог усидеть на месте. Осторожно вылез я в ложбинку и спрятался за кустом раkitника. Отсюда я отчётливо видел дорогу перед дверью трактира.

Едва я занял свой наблюдательный пост, как появились враги. Их было человек семь или восемь. Они быстро приближались, громко и беспорядочно стуча башмаками. Человек с фонарём бежал впереди всех. За ним следовали трое, держась за руки. Несмотря на туман, я разглядел, что средний в этом «трио» — слепой нищий. Затем я услышал его голос и убедился, что был прав.

— К чёрту дверь! — крикнул он.

— Есть, сэр! — отозвались двое или трое.

И они кинулись в атаку на дверь «Адмирала Бенбоу»; человек с фонарём шёл сзади. У самой двери они остановились и принялись совещаться шёпотом. Очевидно, их поразило, что дверь не заперта. Затем опять раздались приказания слепого. Нетерпеливый, свирепый голос его становился всё громче и визгливее.

— В дом! В дом! — кричал он, проклиная товарищей за медлительность.

Четверо или пятеро вошли в дом, двое остались на дороге вместе с ужасным нищим. Потом, после нескольких минут тишины, раздался крик удивления и чей-то голос завопил изнутри:

— Билли мёртвый!

Но слепой снова выругал их за то, что они так копаются.

— Обыщите его, подлые лодыри! Остальные наверх, за сундуком! — приказал он.

Они застучали башмаками по ветхим ступеням, и весь дом задрожал от их топота. Затем снова раздалось удивлённое голоса. Окошко в комнате капитана распахнулось настежь,

и вниз со звоном посыпались осколки разбитого стекла. Из окна высунулся человек. Голова его и плечи были хорошо видны при свете месяца. Он крикнул слепому нищему, стоявшему внизу на дороге:

— Эй, Пью, здесь уже успели побывать раньше нас!.. Кто-то перерыл весь сундук снизу доверху!

— А то на месте? — проревел Пью.

— Деньги тут.

— К чёрту деньги! — закричал слепой. — Я говорю о бумагах Флинта.

— Бумаг не видать, — отозвался человек.

— Эй вы, там, внизу, посмотрите, нет ли их на теле! — снова крикнул слепой.

Другой разбойник — вероятно, один из тех, кто остался внизу обыскивать труп капитана, — появился в дверях трактира.

— Его успели обшарить до нас, — сказал он. — Нам ничего не оставили.

— Нас ограбили здешние люди. Это тот щенок! — крикнул Пью. — Жаль, что я не выколол ему глаза... Эти люди были здесь совсем недавно. Когда я хотел войти, дверь была заперта на засов. Ищите же их, ребята! Ищите во всех углах...

— Да, они были здесь. Они оставили горящую свечу, — сказал человек в окне.

— Ищите! Ищите! Переройте весь дом! — повторил Пью, стуча палкой.

И вот в нашем старом трактире начался ужасный кавардак. Тяжёлые шаги загремели повсюду. Посыпались обломки разбиваемой

мебели, захлопали двери вверху и внизу, так что даже окрестные скалы подхватили этот бешеный грохот. Но всё напрасно: люди один за другим выходили на дорогу и докладывали, что не нашли нас нигде.

В это мгновение вдали снова раздался тот самый свист, который так напугал мою мать и меня, когда мы считали монеты покойного. На этот раз он прозвучал дважды. Прежде я думал, что этим свистом слепой сзывает своих товарищей на штурм. Но теперь я заметил, что свист раздаётся со стороны холма, обращённого к деревушке, и догадался, что это сигнал, предупреждающий бандитов об опасности.

— Это Дэрк, — сказал один. — Слышите: он свистит два раза. Надо бежать, ребята.

— Бежать?! — крикнул Пью. — Ах вы, олухи! Дэрк всегда был дурак и трус. Нечего слушать Дэрка. Они где-то здесь, поблизости. Они не могли убежать далеко. Вы должны их найти. Ищите же, псы! Ищите! Ищите во всех закоулках! О, дьявол! — воскликнул он. — Будь у меня глаза!

Этот крик несколько приободрил разбойников. Двое из них принялись рыскать между деревьями в роще, но нехотя, еле двигаясь. Они, как мне показалось, больше думали о бегстве, чем о поисках. Остальные растерянно стояли посреди дороги.

— У нас в руках тысячи, а вы мямлите, как идиоты! Если вы найдёте эту бумагу, вы станете богаче короля! Бумага эта здесь, в двух шагах, а вы отлыниваете и норовите удрать! Среди вас